

С. Н. Глинка

Из записок о 1812 годе

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
С11

С11 **С. Н. Глинка**
Из записок о 1812 годе / С. Н. Глинка – М.: Книга по Требованию, 2021. –
206 с.

ISBN 978-5-458-04275-8

Согласится каждый из наших соотечественников, что и малейшая подроб-
ность о необычайном времени, проявившемся в нашем Отечестве 1812 года,
"должна быть драгоценна сердцу русскому"; но я не соглашусь в том, будто
бы такая же подробность не обратит на себя внимание чужеземца. Дивные три
года, 1812, 13, 14 и половина 15, не одному принадлежат народу. Провидение
послало их в урок всему человечеству; в событиях их высказался весь мир
исторический в объеме обширнейшем не для одного настоящего, но и для всех
веков.

ISBN 978-5-458-04275-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© С. Н. Глинка, 2021

С. Н. ГЛИНКА
ИЗ ЗАПИСОК О 1812 ГОДЕ

ОЧЕРКИ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ

С. Н. ГЛИНКА

ИЗ ЗАПИСОК О 1812 ГОДЕ

Согласится каждый из наших соотечественников, что и малейшая подробность о необычайном времени, проявившемся в нашем Отечестве 1812 года, "должна быть драгоценна сердцу русскому"; но я не соглашусь в том, будто бы такая же подробность не обратит на себя внимание чужеземца. Дивные три года, 1812, 13, 14 и половина 15, не одному принадлежат народу. Провидение послало их в урок всему человечеству; в событиях их высказался весь мир исторический в объеме обширнейшем не для одного настоящего, но и для всех веков.

ТЫСЯЧА ВОСЕМЬСОТ ДВЕНАДЦАТЫЙ ГОД

Из мыслей, слившихся с привычными движениями сердца, душа высказывает и показывает действия человеческие. От 1808 до 1812 года мысль о судьбе Отечества обладала душою моею. Наступила година действия, и та мысль проявилась деятельным стремлением к Отечеству. Итак, начинаю без оговорки.

ИЮЛЯ 11, 1812 Г., ТРИ ЧАСА УТРА

В достопамятный и бурный 1812 год жил я в переулке Тишине близ Драгомиловского моста. 11 июля на ранней заре утренней разбудил меня внезапный приход хозяйки дома. Едва вышел я к ней, она со слезами вскричала: "Мы пропали! Мы пропали!"-и подала мне печатный лист. То было воззвание к первопрестольной столице Москве от 6-го июля из Полоцка.

Прочитав воззвание, я сказал: "Благодарите бога, сударыня! Где заранее предвидят опасность, там примут и меры к отвращению ее. Будьте спокойны и молитесь богу!"

ПЯТЬ ЧАСОВ УТРА ИЮЛЯ 11 1812 ГОДА

Наскоро одевшись, полетел я в Сокольники на дачу к графу Федору Васильевичу Ростовичину, поступившему вместо графа Гудовича на чреду Московского генерал-губернатора. Не слыша еще громкой вести о грозной опасности, исполнинская Москва объята была сном и безмолвием. Тишина владычествует на поверхности океана до воскипания волн: то же нередко бывает и с областями земными. Из недр глубокого безмолвия вылетает роковой удар грома; смотрим: откуда он грянул? Слышим новые удары и-треаемся в недоумении. Поэт сказал:

"Кто дышит, не дремлит!" Это теперь излилось из души моей. А тогда спешил с одною мыслию; с мыслию-отдать себя Отечеству за отечество. К графу приехал я в пять часов утра. Все уже в доме было в движении. Перед кабинетом графа застал я тогдашнего губернского предводителя Василия Дмитриевича Арсеньева и Аркадия Павловича Рунича, секретаря графа. Говорю Аркадию Павловичу, что мне нужно видетсья с графом. "Нельзя,- отвечал он,- граф занят теперь совещанием с преосвященным Августином и с Петром Степановичем Валуевым (Тогдашним начальником Кремлевской экспедиции. (Прим. автора.))".-Позвольте же мне по крайней мере оставить записку". Приветливо Аркадий Павлович подал мне бумагу, перо, и я написал: "Хотя у меня нигде нет поместья; хотя у меня нет в Москве никакой недвижимой собственности и хотя я не уроженец московский, но где кого застала опасность Отечества, тот там и должен стать под хоругви отечественные. Обрекаю себя в ратники Московского ополчения и на алтарь Отечества возлагаю на триста рублей серебра".

Таким образом 1812 года июля 11-го, мне первому удалось записаться в Москве в ратники и принесть первую жертву усердия.

Пишу об этом не из тщеславия, но для сохранения связи в ходе обстоятельств моих. Самоотречение есть порыв, вызываемый из души необычайными событиями.

Не верить этому, значит, уничижать и уничтожать благородные движения сердца человеческого.

В этот миг показалось мне, что с груди моей спало бремя гробовой тоски, налегшее на нее с 1808 года. В Сокольниках блеснуло солнце в полном сиянии на светлом лазурном небосклоне. "Как очаровательна природа и как злобны люди!"-говорил Жан Жак Руссо. И я в юности моей, вспоминая о том, что с оживлением весенней природы загораются битвы кровопролитные, сказал, обращаясь к людям, вооруженным против людей.

"Иль кровь амврозия для вас?" Мирите человечество с человечеством, и менее будет злобных и менее будет жажды к крови!

Увлекаясь красотами загородной природы, я как будто бы забыл, что в то самое мгновение гремели битвы и за Днепром, и у Днепра, и на Двине, и за Двиною.

НАРОД ЗА ДРАГОМИЛОВСКОЮ ЗАСТАВОЮ. ТРИ ЧАСА ПОПОЛУДНИ 11 ИЮЛЯ 1812 ГОДА

Около трех часов пополудни, надев в петлицу золотую мою медаль, чтобы свободнее протесняться сквозь бесчисленные сонмы народа, пошел я вслед за ними, желая прислушаться к мнению народному и прибавить новую статью в "Русский вестник".

Не вмещая в стенах своих радости и восторга, казалось, что вековая Москва, сдвинувшись с исполинского основания своего, летела на встречу государя.

Все сердца ликовали; на всех лицах блистало веселье. Дух народный всего торжественнее выказывается в минуту решительного подвига. В часы грозной, в часы явной опасности народ русский подрастает душою и крепчает мышцею отважною.

Размышляя о дивном полете духа русского, часу в шестом вечера очутился я на Поклонной горе, где тогда была дубовая роща. Земля как будто бы исчезала под сонмами народа; иные читали воззвание к первопрестольной столице Москве; другие спокойно и с братским радушием передавали друг другу мысли свои. Под шумом бурь исчезает личность и сердца сродняются союзом общей опасности. Речи лились рекою и пламенели рвением любви. Вмешивался и я в разговоры, но еще охотнее прислушивался к живым и, так сказать, самородным изречениям духа русского.

ПОВЕСТКА МОЯ В МОСКОВСКУЮ ПОЛИЦИЮ

В ту же ночь известил я, где следовало, что народ по собственному порыву душ своих двинулся на встречу государя и что разошелся с сокрушением сердечным. А потому и просил, чтобы на другой день напечатать что-нибудь ободрительное для народа. Не знаю почему, приказано было за мною присматривать. Но это не обеспокоило меня. Не отставая усердием от общего дела, я забегал вперед и не заботился о слухах. Идите нарядом с необычайными обстоятельствами: они сами укажут вам место. Мелкие происки и увертливые искательства истощают дух. Берегите его для тех случаев, когда он может действовать явно, не уклоняясь со стези, проложенной обстоятельствами, не вынужденными, а вызванными голосом времени и правительством.

13 И 14 ИЮЛЯ 1812 ГОДА

13 и 14 июля быстрым пролетели мгновением. Казалось (повторяю еще), что народ русский подрос душою, ополчившеюся за край родной, и усилился мышцею, торопившеюся к оружию.

С 14 на 15 повешено было в бывшем слободском дворце, сперва принадлежавшем графу канцлеру Безбородко, собрание дворянству и купечеству. Записавшись в ратники по воле и охоте, я думал: "Зачем пойду в Дворянское собрание? Да и вправе ли я говорить о пожертвовании и собственности, вовсе не имея никакой собственности?" Такие упреки и прежде слышал я в Смоленске при вступлении моем в земское войско; то же откликнулось и в Москве 1812 года.

Но обозревая положение мое с другой стороны и зная, что подпал под приговор, я решился для отстранения предположений и пересудов явиться в собрание с одною неотъемлемою собственностью: с чистою совестью и с самоотречением от жизни. Не было у меня ни милиционного, ни губернского мундира. Последний выпросил я у Г. Васильева, родного брата хозяйки нанимаемого мною дома. Невольно улыбнулся я, взглянув в зеркало и увидя себя в необычном наряде. Улыбки знакомых встретили меня и при входе в собрание. Но тут было не до смеха.

15 ИЮЛЯ 1812 ГОДА.

СОБРАНИЕ ДВОРЯНСКОЕ И КУПЕЧЕСКОЕ. СОВЕЩАНИЕ В ДВОРЯНСКОМ СОБРАНИИ

Между тем, когда час от часу более наполнялись залы Дворянского и Купеческого собрания, в комнате, перед залом Дворянскою, завязался жаркий разговор. Один из чиновных бояр сказал: "Мы-должны спросить у государя, сколько у нас войска и где наше войско?" Степан Степанович Апраксин возразил: "Если б мы и вправе были спросить об этом у государя, то государь не мог бы нам дать удовлетворительного ответа. Войска наши движутся сообразно движениям неприятеля, которые могут изменяться каждый час: такому же изменению подлжит и число войск". Вслед за этим мужчина лет в сорок, высокий ростом, плечистый, статный, благовидный, речистый в русском слове и в мундире без эполетов (следственно отставной), о имени его некогда было спросить, возвыся голос, сказал: "Теперь не время рассуждать: надобно действовать. Кипит война необычайная, война нашествия, война внутренняя.

Она изроет могилы и городам и народу. Россия должна выдержать сильную борьбу, а эта борьба требует и небывалой доселе меры. Двинемся сотнями тысяч, вооружимся чем можем. Двинемся быстро в тыл неприятеля, составим дружины конные, будем везде тревожить Наполеона,отрежем его от Европы и покажем Европе, что Россия восстает за Россию!" В пылу рвения душевного раздался и мой голос, я воскликнул: "Ад должно отражать адом. Я видел однажды младенца, который улыбался при блеске молнии и при раскатах грома, но то был младенец. Мы не младенцы: мы видим, мы понимаем опасность, мы должны противоборствовать опасности". Среди общего безмолвия пламенела моя речь. И меня час от часу более вдвигали в залу собрания, где по обоим сторонам стола, накрытого зеленым сукном, сидело более семидесяти чиновных вельмож в лентах. Сжатый отовсюду, я принужден был остановиться за стульями к стене посреди заднего ряда. Не прерывая слов моих, или, лучше сказать, увлекаясь душою, я предлагал различные меры ко внутренней безопасности и к обороне Отечества. Наконец сказал: "Мы не должны ужасаться, Москва будет сдана". Едва вырвалось из уст моих это роковое слово, некоторые из вельмож и превосходительных привстали.

Одни кричали: "Кто вам это сказал?" Другие спрашивали: "Почему вы это знаете?" Не смущаясь духом, я продолжал: "Милостивые государи! Во-первых, от Немана до Москвы нет ни природной, ни искусственной обороны, достаточной к остановлению сильного неприятеля.

Во-вторых, из всех отечественных летописей наших явствует, что Москва привыкла страдать за Россию, В-третьих (и дай бог, чтоб сбылись мои слова), сдача Москвы будет спасением России и Европы".

Речь мою, продолжавшуюся около часа с различными пояснениями, требуемыми различными лицами, прервал вход графа Ростопчина. Все оборотились к нему.

Высвободясь из осады, я поспешил к московскому градоначальнику. Указывая на залу Купеческого собрания, граф сказал: "Оттуда польются к нам миллионы,